

Завещание П.М.Третьякова: ОШИБКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Елена Теркель

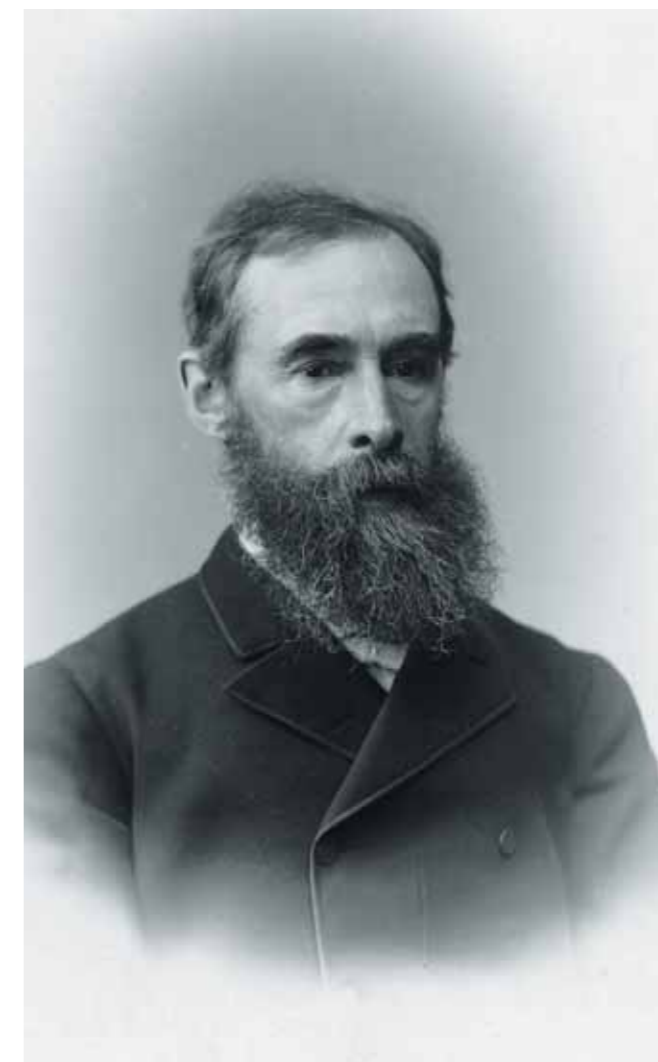
4 декабря 1898 года в 10 часов утра скончался Павел Михайлович Третьяков. Русская культура понесла тяжелую утрату. Соболезнования, телеграммы, цветы, венки... Неподдельное горе не только для семьи, но и для многих, многих русских людей. Скорбные дни, похороны... Пришло время обнародовать последнюю волю умершего. Но тут возникли непредвиденные препятствия... Племянница П.М.Третьякова, Евдокия Константиновна Дмитриева¹ вспоминает: «Довольно долго завещание не могли найти! А когда оно наконец было найдено под одним из ящиков письменного стола и передано одному из крупных присяжных поверенных Москвы – Михаилу Петровичу Минину, он сразу увидел в нем крупную юридическую ошибку... С такой ошибкой завещание не только нельзя было утвердить, а наоборот, оно должно было быть признано недействительным. Ужас объял всех!»²

Семья Третьяковых (слева направо): Вера, Иван, Вера Николаевна, Мария, Михаил (сидит), Мария Ивановна, Павел Михайлович, Александра, Любовь. Фото 1884

The Pavel Tretyakov family (left to right): Vera, Ivan, Vera Nikolayevna, Maria, Mikhail, Maria Ivanovna (Pavel Tretyakov's cousin), Pavel Mikhailovich, Alexandra, Lyubov. Photo, 1884

Что же произошло? Как могло случиться, что Московский окружной суд признал завещание недействительным? Что должно было последовать за этим, если бы дело пошло законным путем? По закону, в случае отсутствия завещания или признания его недействительным, все имущество наследовал единственный сын Павла Михайловича Третьякова – Михаил, жена получала седьмую часть наследства, дочери – четырнадцатую. Увы, единственный, оставшийся в живых сын Третьякова³ был умственно отсталым. Конечно, родные не хотели афишировать семейное несчастье, и официально Михаил, живший отдельно со своей воспитательницей Ольгой Николаевной Волковой, мог считаться полноправным наследником. Ему то и должно было по закону достаться почти все состояние семьи Третьяковых. Казалось, ничего нельзя сделать: «Все было поднято на ноги! Где только не искали, по каким книгам, законам, с кем только не советовались – везде был один ответ: ошибка непоправима! Она мешает исполнить волю Павла Михайловича! Все, что по его желанию было оставлено на содержание и увеличение Галереи, не будет ею получено!»⁴

А завещание, составленное Павлом Михайловичем еще в 1896 году, было продумано до мелочей. И, конечно, больше всего завещателя волновала судьба художественной коллекции, переданной Москве в 1892 году. До самой смерти Третьяков, являясь пожизненным попечителем галереи, продолжал пополнять ее произведениями искусства, заботиться о расширении, ремонте, хозяйственных вопросах. Думая о будущем любимого ребенка, Павел Михайлович завещал внести в Московскую городскую думу «100 000 рублей для употребления процентов на ремонт Галереи, 125 000 рублей на приобретение на проценты с этой суммы живописных и скульптурных художественных произведений для пополнения коллекций». Более поздняя приписка к завещанию, сделанная в мае 1898 года, гласила: «Находя бесполезным и нежелательным

П.М.Третьяков. 1898

Pavel Tretyakov. 1898

П.М.Третьяков в гробу. 4 декабря 1898

Pavel Tretyakov lying in state. 4 December 1898

для дела, чтобы художественная галерея пополнялась художественными произведениями после моей смерти, т.к. собрание и так очень велико и еще может увеличиться, почему для обозрения может сделаться утомительным, да и характер собрания может измениться, то я, по сему соображению, назначенные в пункте Р в городскую Думу 125 000 рублей для приобретения на проценты художественных предметов вместо того определяю на ремонт и содержание галереи, совместно с сум-

мой вышеозначенною». Зная, что средств, выделяемых Московской городской думой, недостаточно для полноценного существования галереи, ставшей к тому времени крупнейшим собранием произведений русского искусства, Третьяков рассчитывал, что завещанные деньги будут и впредь работать на благо русского искусства. Кроме того, галерее было завещано недвижимое имущество: «Дом в Лаврушинском переулке, рядом с домом, принадлежащим городу, бывший Степанова, передать в собственность города для присоединения к дому, где находится Художественная галерея».

Казалось, предусмотрено все, отдельно упомянуты иконы из семейного собрания, картины, отправленные на выставки: «Собрание древней русской живописи (иконы) и художественные издания, какие останутся в моей квартире, также принадлежащие мне картины, могущие находиться в квартире или на выставках, передать Московской городской художественной имени братьев Третьяковых галерее». Однако домашнее завещание, составленное 6 сентября 1896 года, никак не удавалось утвердить. Более того, 15 марта 1899 года Московский окружной суд вынес определение, в котором окончательно отказал в утверждении завещания. При этом пострадала не только «Городская художественная галерея П. и С. Третьяковых». Много благотворительствуя при жизни, Павел Михайлович Третьяков хотел завещать на это крупные суммы: 200 000 рублей планировалось выделить Московской городской думе для поддержания процентов с этой суммы Арнольдовского училища глухонемых в Москве⁵, всем служащим училища завещались отдельные денежные суммы; 150 000 рублей было предназначено для устройства и содержания на месте бывшего дома Крылова бесплатных квартир для вдов и сирот русских художников (сам этот дом в Лаврушинском переулке был также завещан городу Москве для создания приюта). Московскому купеческому обществу выделялись средства для устройства мужской и женской богаделен. Должны были быть учреждены стипендии в Московском университете, Московской консерватории, Московском и Александровском коммерческих училищах, Московских мещанских училищах.

Нет смысла пересказывать все завещание, где четко расписано, что и кому должно было достаться. Павел Михайлович не забыл никого из близких, никого из своих сотрудников, служащих в доме и в галерее. Многим хотел помочь Третьяков... Это-то чуть не привело к трагическим последствиям. Вот что пишет в своих воспоминаниях

¹ Е.К.Дмитриева – дочь К.В.Рукавишниковой.

² Воспоминания Е.К.Дмитриевой. ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 6770.

³ Еще один сын П.М. Третьякова, Иван (1878–1887), скончался в детстве от скарлатины. Дочь Третьякова, А.П.Боткина, писала: «Для Павла Михайловича это было крушение всех надежд: на продолжение рода, продолжение художественной, торговой деятельности. Ваня – сильный, красивый, одаренный, музыкальный (он любил, так же как старшая сестра, фантазировать на фортепиано) – погиб, а другой – больной, остался». (Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993. С. 263.)

⁴ Воспоминания Е.К.Дмитриевой. ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 6770.

⁵ Третьяков был попечителем этого училища, после его смерти оно стало называться Арнольдо-Третьяковским.

Pavel Tretyakov's Last Will and Testament: THE STORY OF AN ERROR

Elena Terkel

4 December 1898 was a sad day for the whole of Russia, not least for its cultural and intellectual circles: Pavel Tretyakov died at ten o'clock that morning. Reactions to the news brought grief not only from his family, but also from many Russian people. An endless flow of condolences, flowers and wreaths arrived at the Tretyakov house. When the funeral was over, the time came for the reading of the will of the deceased. But it turned out that brought up unexpected complications, as Yevdokia Konstantinovna Dmitrieva, Pavel Tretyakov's niece,¹ recalled: "First, it took a long time to find the will! And when it was found at last, stuck under one of the drawers in the writing desk, and handed over to a most respected Moscow solicitor, Mikhail Petrovich Minin, he, almost at once, found a major mistake in its text ... It made it not only impossible for the Moscow district court to legalize the document, but practically declared it invalid. The family were shocked!"²

What was the mistake? How could it have happened that the Moscow district court had declared Tretyakov's will invalid? What consequences might such a decision have, should the matter follow its natural legal course? According to law, if the deceased left no will or, as in this case, the will was declared invalid, the deceased's entire property would be inherited by Pavel Tretyakov's only son Mikhail, while his widow was entitled to only one seventh of the inheritance, and his daughters – to one fourteenth each. Unfortunately, Tretyakov's only son, then still alive³, was mentally retarded. The family were, of course, unwilling to publicise the fact. Strictly speaking, Mikhail, who lived on his own, looked after by his minder Olga Nikolayevna Volkova, could be considered Tretyakov's rightful heir. Thus, sadly, in keeping with the law, he would inherit almost everything that the Tretyakov family possessed. And it seemed that nothing could be done to correct that. "Everything that could be done was done! They looked up everywhere; they consulted every legal book; they asked every top lawyer for advice. The answer was invariably the same: there had been a fatal mistake! Pavel Mikhailovich's will could not be executed. That meant that all the money he wanted to leave for the maintenance and enhancement of the gallery would never belong to the gallery."⁴

Nevertheless, the testament, which was made by Pavel Tretyakov as early as in 1896, was carefully thought out. He worried more than anything else about the future of the art gallery that he had donated to the city of Moscow in 1892. Right up until his death Tretyakov, the Gallery's lifetime curator, took care of the expansion and enhancement of its collections, the enlargement of its venues, the restoration and repair of its buildings, and all other matters of maintenance. It was the future of the "child of his life's work" that Pavel Tretyakov had in mind when he willed 100,000 rubles to the Moscow Duma, or the city council, writing that "the interest from this sum

П.М.Третьяков. Москва. 1894. Фотография Д.М.Асикритова

Pavel Tretyakov. Moscow. 1894. Photo by D. Asikritov

be spent on repairing the gallery premises", and another 125,000 rubles – "the interest from which to be spent on acquisition of paintings and sculptures to enhance the collections". However, a later postscript dated May 1898 reads: "Finding it irrelevant and actually undesirable to let the gallery grow after my death, since the collection is very large as it is and can become even larger, which might make it too tiresome for the viewer to become acquainted with it, let alone a possible change of the original make-up of the collection, I, considering the aforesaid, will the sum of 125,000 rubles I previously intended for the Moscow Duma for the purchase of artworks with the interest concerned to be added to the other sum mentioned above and spent on maintenance and repair of the gallery." Understanding that the money the Moscow Duma could afford to allocate for the needs of the gallery was not enough to ensure its proper existence – all the more so given that by that time it had become a large collection of Russian art – Tretyakov could expect that the money would contribute to the benefit of Russian culture. Besides money, the gallery was to inherit real estate: "The house on Lavrushinsky Pereulok next to the one belonging to the city, formerly known as the Stepanov house, is to be passed to the city to be combined with the one that now houses the art gallery."

It seemed that everything had been considered and provided for. Particular mention went to the icons and paintings from the family collection, which were temporarily on display at other exhibitions: "The collection of the ancient Russian paintings (icons) and the publications on art that should be found in my apartment, as well as the paintings belonging to me which might be found either in my apartment or on display at some exhibitions are to become part of the Moscow Tretyakov brothers' art gallery."

Nevertheless, the will which was certified privately, at home, on 6 September 1896 was not legally acceptable. Moreover, on 15 March 1899 the Moscow district court passed a final resolution refusing to legalize the document.

Among those bodies which would suffer from such a development were not only Pavel and Sergei Tretyakov's city gallery, but many charities that the former had supported in his lifetime. Thus, in his will he intended to leave 200,000 roubles to the Moscow Duma to provide the interest from that sum for the Arnold deaf-and-dumb school in Moscow⁵: every worker in the school, without exception, was left some money; 150,000 roubles were meant for the

Е.К.Дмитриева о допущенной ошибке: «Она же получилась только потому, что завещание писалось дома (домашнее завещание) людьми незнакомыми с законом, а не в конторе нотариуса, где подобного не случилось бы! «Удостоверять, что во время составления завещания человек находится в здравом уме и светлой памяти, может только тот, кто в данном завещании абсолютно не заинтересован!» Павел Михайлович, вероятно, как говорили, не хотел огласки, потому и к себе не пригласил нотариуса для составления. И по незнанию закона и получилась эта роковая ошибка!»⁶ И так, под завещанием должны были подписаться трое. Такая запись есть в конце завещания 1896 года: «Что сие духовное завещание составлено и подписано Коммерции Советником Павлом Михайловичем Третьяковым в здравом его уме и твердой памяти, в том свидетельствую и подписуюсь Вятской губернии Орловской 2-ой гильдии купец Василий Трифонов-Гуняев. В том же свидетельствую и подписуюсь Московский мещанин Роман Васильев-Кормилицын. В том же свидетельствую и подписуюсь Тульский мещанин Михаил Константинов-Шныгин». Казалось, завещание составлено по установленной форме. Фамилии людей, засвидетельствовавших подпись Третьякова, не упоминаются в тексте завещания. Тогда в чем же дело? Павел Михайлович всегда доброжелательно и справедливо относился к служащим своей фирмы, заботился о материальном поощрении толковых работников, старался по мере сил помогать им. Дочь Третьякова, Александра Павловна Боткина отмечает в воспоминаниях: «У него была аккуратно проводимая система. Каждый год он прибавлял им жалование, не одинаково, по-видимому, в зависимости от успешной работы; иногда прибавлял немного, а иногда до 300, 400 рублей. Прибавки эти делались во время годового отчета и производились за истекший год. Ожидались эти прибавки с интересом и даже волнением. Получаемая сумма составляла как бы сбережение, которое помещалось в дело и давало проценты. Прослужившие много лет, таким образом, имели порядочные накопления и нередко, оставаясь на службе в торговом доме, открывали свои предприятия»⁷. Сейчас мы бы сказали, что служащие торговой фирмы «Братья П. и С. Третьяковы и В. Коншин» являлись как бы акционерами этого предприятия, заинтересованными в коммерческом успехе. Получалось, что, служа в торговой фирме, они не просто работали на хозяина, но и частично на себя. П.М.Третьяков выстроил свое дело по прогрессивным принципам, ему хотелось, чтобы и даль-

Дочери П.М.Третьякова с мужьями (слева направо): Л.П.Гриценко, А.И.Зилоти, А.П.Боткина, Н.Н.Гриценко, В.П.Зилоти, С.С.Боткин. Фото 1894

Tretyakov's daughters and their husbands (left to right): Lyubov Pavlovna Gritsenko (nee Tretyakova), Alexander Ilyich Ziloti, Alexandra Pavlovna Botkina (nee Tretyakova), Nikolai Nikolayevich Gritsenko, Vera Pavlovna Ziloti (nee Tretyakova), Sergei Sergeevich Botkin. Photo, 1894

ше эта система продолжала работать. Вот почему в завещании появился один пункт, вызвавший недовольство В.Д.Коншина и старших служащих. Павел Михайлович фактически предлагал ввести коллективное участие служащих в делах фирмы. «Капитал, какой окажется в фирме нашего торгового дома под фирмою «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин», если это дело не будет ликвидировано при жизни моей, предоставляю в пользу служащих как в магазине, так и в конторе торгового дома, разделив сообразно окладу их жалования, с таким расчетом, чтобы служащие до пяти лет получили долю в четверть оклада, до десяти лет в половину оклада и более десяти лет в полный оклад своего жалования, умноженные до размера остающейся суммы моего капитала»⁸. Этот прогрессивный пункт и стал на пути утверждения всего завещания. Ибо один из подписавшихся под завещанием был служащим указанной торговой фирмы. Им оказался Роман Васильевич Кормилицын, заведующий продажей пряжи и ниток, в течение многих лет приходивший каждое утро с докладом к Павлу Михайловичу. Никто не думал, что так может случиться. Но подпись Кормилицына стала непреодолимым препятствием на пути утверждения этого удивительного завещания.

Итак, 15 марта 1899 года Московский окружной суд отказался утвердить завещание. 26 марта 1899 года скончалась тяжело больная Вера Николаевна – вдова Павла Михайловича Третьякова. Официальными наследниками оказались их единственный сын – большой Михаил и четыре дочери, бывшие к тому времени уже замужем⁹. По завещанию, все они получали свою долю имущества. Обратим особое внимание на строки завещания, посвященные Михаилу: «Сыну моему Михаилу двести тысяч рублей в пожизненное пользование процентами с этой суммы; капитал внести в какое-либо кредитное учреждение или приобрести процентных бумаг и учредить опеку. По смерти его, капитал этот должен перейти в собственность города Москвы для учреждения и содержания приюта для слабоумных на столько лиц, на сколько позволит капитал». Сам Павел Михайлович, страдая от осознания тяжелой болезни единственного наследника, неспособного продолжить торговое дело, считал обязательным установить опеку в случае необходимости. А по закону получалось, что Михаил Павлович получит все, или почти все, состояние Третьяковых.

Все близкие переживали, что не могут выполнить волю умершего Павла Михайловича. Особенно волновались душеприказчики. Их было трое: К.В.Рукавишников, В.Г.Сапожников и С.С.Боткин – все близкие Третьякову люди. Сергей Сергеевич Боткин – доктор медицины, зять Павла Михайловича. Владимир Григорьевич Сапож-

⁶ Воспоминания Е.К.Дмитриевой. ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 6770.

⁷ Боткина А.П. Указ. соч. С. 282, 283.

⁸ Эта часть завещания так никогда и не была выполнена. А.П.Боткина пишет: «В.Д.Коншин не мог допустить мысли, что молодежь будет «стоять с ним на одной половине», да и некоторые из старших служащих были против равноправия. Кончилось тем, что нашлись юридические «непреодолимые препятствия», и дело не состоялось» (Боткина А.П. Указ. соч. С. 283.)

⁹ Все дочери.

arrangement and maintenance of free apartments for the widows and orphans of Russian artists in the former Krylov house on Lavrushinsky Pereulok (the house was gifted to the Moscow city council for that purpose). In addition, the Moscow Society of Merchants was to be bequeathed money to set up two hospices, one for men and one for women. Special nominal stipends were to be set up for students of Moscow University, the Moscow Conservatory and Schools of Commerce in Moscow and Alexandrov, as well as for students of Moscow merchant colleges.

There is no use in citing the entire text of Pavel Tretyakov's will, so meticulously was it written. Tretyakov did not fail to mention every relative or friend, as well as every co-worker or servant who had worked at or lived in his house or gallery. He was grateful to all of them, and was eager to be of assistance even after his death ... It was that charitable feeling that nearly brought disastrous results. Yevdokia Dmitrieva wrote in her memoirs about the mistake: "It happened only because the will was written at home (as a home-created last will and testament) by people who were not well-versed in legal matters. Not in a notary's office, where such an error would have been impossible! The law ordains: 'Only such a person can witness that at the time of writing the will the testator is found to be in his right senses and good memory who is absolutely unprejudiced and disinterested!' Pavel Mikhailovich might have preferred, as it was said, to keep the matter private, so no notary was invited. The fatal mistake happened for the lack of legal knowledge!"⁵ The requirement was that the will be accompanied by three witness signatures. Such signatures did indeed conclude the 1896 will: "The fact that this will has been made and signed by Council of Commerce Pavel Mikhailovich Tretyakov *compos mentis* is witnessed and signed by Vasily Trifonov-Gunyaev, merchant of the second guild of the Oryol Gubernia from Vyatka. The same was also attested and signed by Roman Vasiliev-Kormilitsyn, a citizen of Moscow. The will was also witnessed by Mikhail Konstantinov-Shnygin, a citizen of Tula." The testament seems to have been formally correct: the names of those who witnessed Tretyakov's signature were not mentioned in the text of the will. What then was the essence of the problem? The fact was that Pavel Tretyakov was always kind and fair with the workers of his company, encouraging the most capable among them both financially and in other ways. The following remark can be found in the memoirs of Alexandra Botkina, Pavel Tretyakov's daughter: "He had a meticulously observed incen-

tive system. Every year he increased their pay. The increase was not the same every year, it seems. It depended on the result of the year's work. Sometimes he added just a little, and at other times the rise was up to an annual 300 or 400 rubles. Those increases in pay were usually due at the end of the year when the annual reports were submitted. The bonuses were awaited with interest and even excitement. The sum received was considered a kind of individual saving invested in a business which would bear interest. Those who were with the business for many years could expect to save up quite a considerable sum and often, still working for the company, started their own businesses."⁷ In contemporary terminology it could be said that the workers of the trading company which belonged to the brothers Pavel and Sergei Tretyakov and Vladimir Konshin became shareholders in the firm, with an incentive for the company's future prosperity: effectively, while working for the trading company, they were also working for themselves. Pavel Tretyakov's business was based on advanced ideas that, he hoped, would also be used in the future. That was why his will included a clause that caused controversy with Vladimir Konshin and some other senior executives. Pavel Tretyakov actually suggested the introduction of collective ownership and management of the company. "The capital that our trading house, existing under the name of Brothers Pavel and Sergei Tretyakovs & Vladimir Konshin, will own, unless the business is not liquidated in my lifetime, is to be endowed to the workers both of the shop and the trading house administration, dividing it in proportion to the salary of each of them so that the workers who have been with the firm for less than five years would receive a share matching one quarter of their salary; those for less than ten years – a share matching half their salary; and those more than ten years – a share matching their full salary, multiplied so that all match the size of my own remaining capital."⁸ Such a revolutionary idea became the fruit of discord, as well as a context for the acceptance of the entire will, since one of the witness signatories turned out to be a worker in the trading firms concerned: Roman Vasilievich Kormilitsyn

who was in charge of selling spun-cotton and cotton thread, and used to come to Pavel Tretyakov's office every morning with a report. Nobody could have imagined that such a thing might happen, but Kormilitsyn's signature on Pavel Tretyakov's will became a compelling obstacle in the whole document's validation.

On 15 March 1899 the Moscow district court refused to authorize the will, and on the 26th of the same month March 1899 Tretyakov's widow, Vera Nikolayevna, who had been seriously ill for a long time, also died. Formally, the heirs to the estate remained Tretyakov's only son, the retarded Mikhail, and the four daughters who were then already married.⁹ According to the will, all of them were to be left their share of the estate. The part of the will that concerns Mikhail's share demands attention: "To my son Mikhail 200,000 roubles are to be given to enjoy, to the end of his days, the life interest from the sum either put into a bank or funded with a tutor nominate appointed. Upon his death the above capital concerned is to be passed to the city of Moscow for the purpose of setting up and maintaining an asylum for mentally retarded people of a capacity that the above capital concerned will allow." It is evident that the painful realization of the incurable malady that prevented his only son from taking over the family business made Pavel Tretyakov provide for appointing a guardian for him if necessary. Thus, it seemed unthinkable that subsequent developments could make him the owner of almost the entire Tretyakov estate.

The situation was very anxious for both family and friends. But the most devastated were Pavel Tretyakov's three executors – Konstantin Vasilievich Rukavishnikov, Vladimir Grigorievich Sapozhnikov and Sergei Sergeevich Botkin, all of whom had been very close to Tretyakov. Botkin, a doctor of medicine, was his son-in-law; Sapozhnikov was a well-known Moscow merchant and benefactor; Rukavishnikov was a major industrialist, public figure and philanthropist who acted as the Mayor of Moscow from 1893 to 1897. In her memoirs, cited above, Yevdokia Dmitrieva, Rukavishnikov's daughter, wrote about the role her father played in that exceptionally dramatic story: "My father became practically desperate. I saw him really suffer because he had promised in all faith to Pavel Mikhailovich to execute his will and now he was unable to do it! Only due to a mistake in the text of the will!" In Tsarist Russia there was only one way to solve problems when all other paths had been tried and failed – by making a petition directly to the Tsar. It was decided to choose that way.

ников – известный московский купец и благотворитель. Константин Васильевич Рукавишников – крупный предприниматель, общественный деятель и благотворитель, бывший в 1893–1897 годах Московским городским головой. Сохранились воспоминания дочери К.В.Рукавишникова, Е.К.Дмитриевой, в которых она пишет о роли своего отца в этом необычном и столь важном деле: «Отец мой положительно впал в полное отчаяние, я видела, как он страдал, что, дав обещание Павлу Михайловичу свято исполнить его волю, вдруг лишается этого! И только из-за ошибки в завещании!» В крайне сложных ситуациях в царской России был только один путь – подать прошение «на высочайшее имя». Решили пойти по этому пути.

Во все времена добраться до главы государства непросто. Мало было подать прошение, необходимо добиться положительного решения. Вот за это непростое дело и взялся Рукавишников. Начав с посещения московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, он добился сопроводительной бумаги на имя главноуправляющего канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых: «Сочувственно относясь к ходатайству душеприказчиков П.М.Третьякова, поставленных в невозможность исполнить волю почившего, я имею честь просить Ваше Превосходительство повергнуть ходатайство их на всемилостливейшее воззрение Государя Императора и исходатайствовать у его императорского величества высочайшее разрешение на приведение в исполнение ими прилагаемого при сем домашнего духовного завещания Третьякова»¹⁰.

Надо сказать, что великий князь Сергей Александрович, дядя Николая II, и главноуправляющий канцелярией Дмитрий Сергеевич Сипягин были давно знакомы. Сипягин являлся предшественником Сергея Александровича на посту Московского генерал-губернатора в 1891 году, а в 1892-м исполнял его обязанности во время отъезда великого князя. Уже через 12 дней (2 апреля 1899 года) Д.С.Сипягин ответил вполне сочувственно¹¹, однако предложил приложить к ходатайству душеприказчиков заявления всех законных наследников Третьякова, не возражают ли они против утверждения домашнего завещания. Конечно, дочери Павла Михайловича всей душой поддерживали усилия Рукавишникова и немедленно написали требуемые заявления. Но сын Михаил никакого заявления составить не мог, да и опекуны не могли написать такого от его имени, так как интересы опекаемого были бы ущемле-

ны. Но без заявления главного наследника нечего было и думать о благоприятном исходе дела. Пришлось пойти на неприятную процедуру. Провели медицинскую экспертизу, и постановлением Московского врачебного управления Михаил Павлович Третьяков был признан слабоумным. Однако это не все. Михаил являлся наследником огромного состояния, постановление Московского врачебного управления требовалось утвердить в правительствующем Сенате.

Известно, что дела в Сенате могли лежать годами. Усилиями К.В.Рукавишникова и Д.С.Сипягина удалось ускорить представление соответствующего доклада в 3-м Департаменте Сената. И уже 19 мая Сипягин пишет официальное письмо Министру юстиции Николаю Валериановичу Муравьеву, где подробно излагает всю историю с заве-

К.В.Рукавишников с дочерью Евдокией. 1870-е

Konstantin Rukavishnikov and his daughter Yevdokia. Photo, 1870s

щением, согласие семьи, мнение Сената, резюмируя все изложенное: «Принимая во внимание, что изложенное ходатайство просителей возбуждено с целью приведения в исполнение посмертной воли завещателя, ясно выраженной в собственноручно им написанном духовном завещании, по которому Третьяков значительную часть своего имущества отказал на благотворительные и общепользные учреждения, что дочери его выразили согласие на приведение таковой воли их отца в исполнение, что сын Третьякова, признанный Правительствующим Сенатом слабоумным, обеспечен предоставляемым ему по духовному завещанию правом пожизненного пользования процентами с капитала в 200 000 рублей, я нахожу просьбу душеприказчиков Третьякова заслуживающей монаршего внимания...»¹².

Н.В.Муравьев ответил, что он со своей стороны не возражает и дает благоприятный отзыв на прошение¹³. Наконец, все препятствия были позади, и Константин Васильевич Рукавишников 28 июля 1899 года направился на прием к Николаю II. Вот как пишет об этом Е.К.Дмитриева: «Николай заинтересовался историей завещания Третьякова и ошибкой в нем. Отец горячо доказывал, что дело обоее, редкое, нигде в мире нет равного Третьяковской галерее, чтоб один человек посвятил всю свою жизнь на такое благородное возвышенное дело – собрание великолепных картин, не жалея средств; все свои знания, всю любовь вложил в свою галерею. Он напомнил, что Галерея уже принесена Третьяковым при жизни в дар городу Москве, а сейчас ей оставляется целый капитал на содержание и дальнейшее процветание. Он смело заявлял, что лишить ее этого невозможно, а не исполнить волю Павла Михайловича тем более! Николай слушал со вниманием. Дело восторжествовало!» Интересно, что Николай II был знаком с Третьяковской галереей не понаслышке. Еще будучи наследником, он посетил галерею в 1893 году вместе с Александром III и всей царской семьей. Вот как вспоминает об этом А.П.Боткина: «Павел Михайлович, который по природной стеснительности вообще не любил новых людей, тем более не любил и избегал высокопоставленных посетителей, но на этот раз он уклониться не мог. Но он был вполне удовлетворен простотой обстановки и обращения царской семьи... Простота обращения и интерес к картинам сделали это посещение легким и приятным. Наследник Николай Александрович с увлечением рассказывал мне, стоя перед этими Поленова, как он был в Египте и подымался на пирамиды. Он вообще был очень приятный собеседник»¹⁴.

⁵ Pavel Tretyakov was the curator of the school and after his death it became known as the Arnold-Tretyakov deaf-and-dumb school.

⁶ Ye. K. Dmitrieva, op. cit., see note 2.

⁷ Botkina A.P., op. cit., see note 3, pp. 282, 283

⁸ This part of the will was never to be executed. Alexandra Botkina writes: "Vladimir Konshin could not imagine that the young would be 'standing on the same floorboard' as he did. Some of the old workers were also against the equality. It all ended with finding certain 'circumstances of compelling force' which did not allow the deal." In: Botkina A.P., op. cit., see note 3, p. 283.

⁹ They were all the daughters.

¹⁰ РГИА, ф.14.12, оп. 61, ед. хр. 884, л. 1.

¹¹ РГИА, ф.14.12, оп. 61, ед. хр. 884, л. 2.

¹² РГИА, ф.14.12, оп. 61, ед. хр. 884, л. 5-6.

¹³ РГИА, ф.14.12, оп. 61, ед. хр. 884, л. 8.

¹⁴ Боткина А.П. Указ. соч. С. 279.

К.В.Рукавишников. Фотография с дарственной надписью К. В. Рукавишникова своей дочери Евдокии, будущему автору воспоминаний об утверждении завещания П.М.Третьякова. Конец 1890-х – начало 1900-х

Konstantin Rukavishnikov. Photo inscribed by the subject for his daughter Yevdokia, the author of the memoirs of how Pavel Tretyakov's last will was validated. Late 1890s – early 1900

To reach the attention of the head of state has been far from easy at any time. Making a petition was only half the task; ensuring a favourable response to the petition was what would mean success. Such was the difficult task that Rukavishnikov approached. He started by visiting Grand Duke Sergei Alexandrovich, then Moscow Governor General, who assisted Rukavishnikov in contacting the Chief of His Majesty's Chancellery office for petitions addressed to the Emperor. In his covering letter Grand Duke Sergei Alexandrovich wrote: "Taking with sympathy the petition of the executors of Pavel Tretyakov's testament who find themselves in a position when they are unable to execute the will of the deceased, I dare to ask Your Excellency to submit the petition to His Majesty's merciful consideration and solicit for His Majesty's favour to grant permission for exercising the attached herein after home-written will of Tretyakov."¹⁰

The Chief of His Majesty's Chancellery office, Dmitry Sergeievich Sipyaghin, was a long-term acquaintance of Grand Duke Sergei Alexandrovich, uncle of Nicholas II. In 1891

Sipyaghin had been the Grand Duke's predecessor in his office and later, in 1892, acted for the Moscow Governor when Sergei Alexandrovich was away. It did not take him a fortnight to reply and on 2 April 1899 Dmitry Sipyaghin's letter brought a sympathetic response.¹¹ Nevertheless, he advised that the executors' petition should be supported with letters from all lawful heirs to Tretyakov's estate, declaring that they did not object to the validation of the home-written will in its existing form. Tretyakov's daughters had nothing against such a step and, moreover, they were entirely supportive of the efforts made by Rukavishnikov and wrote their letters without delay. But Mikhail Tretyakov, the son, was unable to write any letter and his guardians could not do that in the name of their ward, since it would infringe his rights. But there could be no hope of a positive outcome without a letter from the principle heir. An unpleasant procedure became inevitable: medical expertise of the Moscow Medical Department officially pronounced Mikhail Tretyakov to be an imbecile. But that was not the end of the

matter: Mikhail was not just any ordinary citizen, but heir to a huge estate. Thus, the conclusion of the Moscow Medical Department had to be confirmed by the Senate.

Cases were known to be waiting for examination in the Senate for years. Rukavishnikov and Sipyaghin managed to push the matter forward, and arrange for it to be considered in the Third Department of the Senate much more quickly. On 19 May Sipyaghin sent a formal letter to the Minister of Justice Nikolai Valerianovich Muraviev in which he set out the whole story in detail, supporting it with letters from the family, the resolution of the Senate and concluding it with the words: "Taking into account that the above petition was made with the aim of bringing the will of the deceased to execution as being clearly expressed by him *manu propria* in his testament according to which Tretyakov gave a considerable part of his estate to charitable and public institutions, and that his daughters expressed their agreement with the execution of such a will of their father, and that Tretyakov's son, whom the Senate recognized as an imbecile, will be well-provided for, due to the rights the will grants him, enjoying lifelong interest on a capital of 200,000 rubles, I find the petition made by the executors of Tretyakov's will worthy of the monarch's attention..."¹² Muraviev replied that, for his part, he did not object to and could express a favourable opinion regarding the petition.¹³ In the final event, all such obstacles were overcome and on 28 July 1899 Rukavishnikov was due to have an audience with Nicholas II. Yevdokia Dmitrieva wrote about it thus: "The Emperor became interested in the story of Pavel Tretyakov's last will and the error concerned. My father tried ardently to prove that the case was absolutely extraordinary and rare and that there was, nowhere in the world, such a thing as the Tretyakov Gallery created by one man who dedicated his whole life to such a noble and high-minded activity as collecting marvellous paintings. Sparing neither trouble nor expenses, Tretyakov had put in all his knowledge, all his love. My father also noted that the Gallery had already been donated by Tretyakov, when he was still alive, to the city of Moscow. Now in his will he intended to give the gallery capital for its proper maintenance and further enhancement. He dared to say that it would be unthinkable to leave the gallery without such funds. All the more so to leave the will of Pavel Mikhailovich without execution! Nicholas II listened attentively. And the truth triumphed in the end!"

Curiously, Nicholas II was not unfamiliar with the Tretyakov collection.

Возможно, Николай II не забыл своего посещения, да и вообще, как известно, он не был чужд искусству, и имя Павла Михайловича Третьякова ему хорошо известно. В декабре 1896 года Третьякову пожаловали серебряную медаль «в память Священного Коронования Государя Императора Николая II»¹⁵. Император отнесся к просьбе об утверждении завещания благосклонно. Бюрократические формальности были соблюдены, и вопрос решен положительно¹⁶. Всем душеприказчикам и великому князю Сергею Александровичу отправили официальные извещения одинакового содержания о том, что государь император «высочайше повелеть соизволил разрешить Московскому Окружному суду, не стесняясь определением, состоявшимся 15 марта 1899 года, вновь войти в рассмотрение вопроса об утверждении в исполнении составленного Коммерции Советником, потомственным почетным гражданином, Павлом Третьяковым 6 сентября 1896 года домашнего духовного завещания, причем не считать препятствием допущенное при его составлении нарушение...»¹⁷. Подлинное духовное завещание Третьякова было отослано Московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Константин Васильевич Рукавишников вернулся из Петербурга с победой!

Е.К.Дмитриева пишет: «Вся Москва тогда была захвачена этим делом, – и само завещание, какое великолепное, редкостное – сколько, сколько людей в нем заинтересовано! И эта ужасная ошибка! Все с замиранием сердца ожидали возвращения отца моего из Петербурга в Москву, все-таки надеясь сильно на его недюжинный ум, красноречие и необыкновенную энергию! Восхваления ему тогда за такую громадную заслугу перед Галереей, всеми получающими от Павла Михайловича, перед памятью его самого и благодарности «патриотической» не было конца! Он сам, оценивая свой поступок, по скромности своей, говорил, что сделал то, что необходимо было сделать, что он старался всеми силами сдержать данное слово Павлу Михайловичу, что совесть его и уважение к памяти и воле Павла Михайловича помогали ему в трудностях и бодрили его». Дальнейшие формальности были делом времени. 24 августа 1899 года «Окружной суд определяет: во исполнение высочайшего повеления, следовавшего 28 июля 1899 года, домашнее духовное завещание Потомственного почетного гражданина Коммерции Советника Павла Михайловича Третьякова утвердить к исполнению»¹⁸.

Дочери П.М.Третьякова: Вера, Мария, Александра и Любовь. Конец 1890-х

Pavel Tretyakov's daughters (left to right): Vera, Maria, Alexandra, and Lyubov. Photo, late 1890s

Так благополучно закончилась история, чуть не ставшая трагической страницей в истории Третьяковской галереи. Какова дальнейшая судьба завещания? Почти все было исполнено. Дочери П.М.Третьякова получили недвижимое имущество и паи Товарищества новой костромской льняной мануфактуры, оцениваемые

¹⁵ ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 4820.

¹⁶ РГИА, ф. 1412, оп. 61, ед. хр. 884, л. 12.

¹⁷ РГИА, ф. 1412, оп. 61, ед. хр. 884, л. 14.

¹⁸ РГИА, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 103, л. 145 об.; ЦИАМ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 2535, л. 21 об.

¹⁹ ЦИАМ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 2535, л. 22.

²⁰ Сейчас здание бывшей богадельни входит в комплекс владений Института хирургии им. А.В.Вишневского (Б. Серпуховская ул., д. 27).

²¹ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. М., 1999. С. 469.

²² Ныне Государственный исторический музей.

²³ Ныне ГМИИ им. А.С.Пушкина.

в 1 156 240 рублей¹⁹, сын – 200 000 рублей, все служащие – завещанные суммы. Пожертвования на просветительские и благотворительные цели поступили по назначению. Московская городская дума получила 835 199 рублей: 225 000 рублей – для художественной галереи и 150 000 – для устройства дома бесплатных квартир вдов и сирот русских художников, а также недвижимость для тех же целей. Третьяковская галерея продолжала пополняться лучшими образцами русского искусства. В 1900–1901 годах началась перестройка жилого дома Третьяковых, в результате здание галереи и жилого дома были объединены новым фасадом, выполненным по проекту Виктора Михайловича Васнецова. Приют для вдов и сирот русских художников был построен по проекту архитектора Н.С.Курдюкова и открыт в 1912 году. Московское купеческое общество получило 30 000 рублей на стипендии в Мещанских училищах, а также капитал на устройство богаделен.

Приумножив завещанную сумму процентами, Московское купеческое общество по проекту С.У.Соловьева выстроило богадельню им. П.М.Третьякова²⁰, которая была открыта в 1907 году. После смерти Михаила Павловича Третьякова, следовавшей в 1912 году, 200 000 рублей поступило в распоряжение Московской городской думы, которая приняла решение (согласно завещанию П.М.Третьякова) использовать деньги на устройство и содержание приюта для слабоумных. Возведение двухэтажного корпуса приюта начато в 1914 году, в 1916-м работы были приостановлены²¹, завершить строительство так и не удалось.

Что стало с людьми, благодаря которым восторжествовала воля Павла Михайловича Третьякова? Константин Васильевич Рукавишников, ставший инициатором и вдохновителем нелегкой борьбы за утверждение завещания, умер в 1915 году, передав городу Москве (еще в 1878 году) учрежденный его рано умершим братом Николаем приют для малолетних преступников, известный в Москве как «рукавишниковский» приют. Великий князь Сергей Александрович, долгое время возглавлявший Российский Исторический музей²², Комитет по устройству Музея изящных искусств²³, Палестинское православное общество, был убит в 1905 году эсером И.П.Каляевым.

Дмитрий Сергеевич Сипягин, став в 1900 году министром внутренних дел, проводил жесткую карательную политику и был убит эсером С.В.Балмашевым в 1902-м. Сложное, тяжелое время, народные волнения... Революции... Национализации... Но это уже совсем другая история.

Император Николай II. 1890-е

Emperor Nicholas II. Photo, 1890s

While still heir to the throne, he happened to visit the Gallery with other members of the royal family accompanying Alexander III in 1893. Alexandra Botkina remembers: "Pavel Mikhailovich, due to his natural modesty and shyness, did not like making new acquaintances, all the more so meeting high-up figures, whom he always tried to avoid. But that was an occasion he could not escape. Nevertheless, he was quite pleased with the simplicity of the tone and manner of the royal family <...> Their natural behaviour and interest in paintings made the royal visit easy and pleasant. Nikolai Alexandrovich, heir to the throne, told me enthusiastically, while standing in front of the Polenov canvases, about his trip to Egypt and climbing the pyramids. I found him a delightful conversationalist."¹⁴

Nicholas II might have remembered that visit to the Tretyakov gallery. Moreover, the arts, as is known, were not alien to him, and the name of Pavel Tretyakov was familiar. In December 1896 Tretyakov was decorated with a Silver Medal "in memory of the Sacred Coronation of the Emperor Nicholas II."¹⁵ As a result, the Emperor reacted positively to the validation of Pavel Tretyakov's will: all necessary formalities were observed and the matter was decided positively.¹⁶ All the executors and Grand Duke Sergei Alexandrovich were sent the same formal notifications which informed them that the Emperor "by His Sovereign power condescends to permit the Moscow district court, notwithstanding their previous decision of 15 March 1899, to subject the case of legalization of the home-written last will and testament dated 6 September 1896 and made by the Council of Commerce and hereditary Citizen of Honour Pavel

Tretyakov, and consider any abuse of the formal wording of the above non-statutory..."¹⁷ The original of Tretyakov's last will and testament was sent to the Moscow Governor General Grand Duke Sergei Alexandrovich. Thus, Rukavishnikov returned in triumph!

Yevdokia Dmitrieva wrote: "The whole of Moscow was intrigued by the outcome of the case. The testament itself was so wonderful, so extraordinary – how many people were interested in it! And what a terrible mistake! Everybody was dying to hear that my father had come back from St. Petersburg, and they hoped against hope that his powerful mind, eloquence and fantastic activity would help! There was no end to praising him for such an immense service to the Gallery, from all those who would benefit from Pavel Tretyakov's will, for the cherished memory of Tretyakov himself. There seemed to be no end to 'patriotic' gratitude from everybody! He himself, for his modesty, gave a discreet assessment of his actions, saying that he had done what had to be done and that he had tried to keep the promise he gave to Pavel Mikhailovich, that his honour and his respect for the memory and will of Pavel Mikhailovich had helped him to bridge the difficulties and encouraged him." Further formalities were a matter of time. On 24 August 1899 the Moscow district court convened a meeting that ruled: "to put into effect the monarch's order of 28 July 1899 the home-written last will and testament of the hereditary Citizen of Honour and the Council of Commerce Pavel Mikhailovich Tretyakov is to be validated for execution."¹⁸

That proved the happy ending to a story that might have become a tragic page in the history of the Tretyakov Gallery. Was Tretyakov's will executed as he had wished? Absolutely. His daughters were given their share of the estate and the shares of the New Kostroma Linen Manufacture Stock Company, valued at 1,156,240 rubles. His son received 200,000 rubles, and all the workers the sums due to them. The dona-

tions to the educational and charitable institutions concerned were made. The Moscow Duma received 835,199 rubles: 225,000 of them for the needs of the art gallery, and 150,000 for financing a house of free apartments for widows and orphans of Russian artists, as well as some real estate meant for the same purpose.

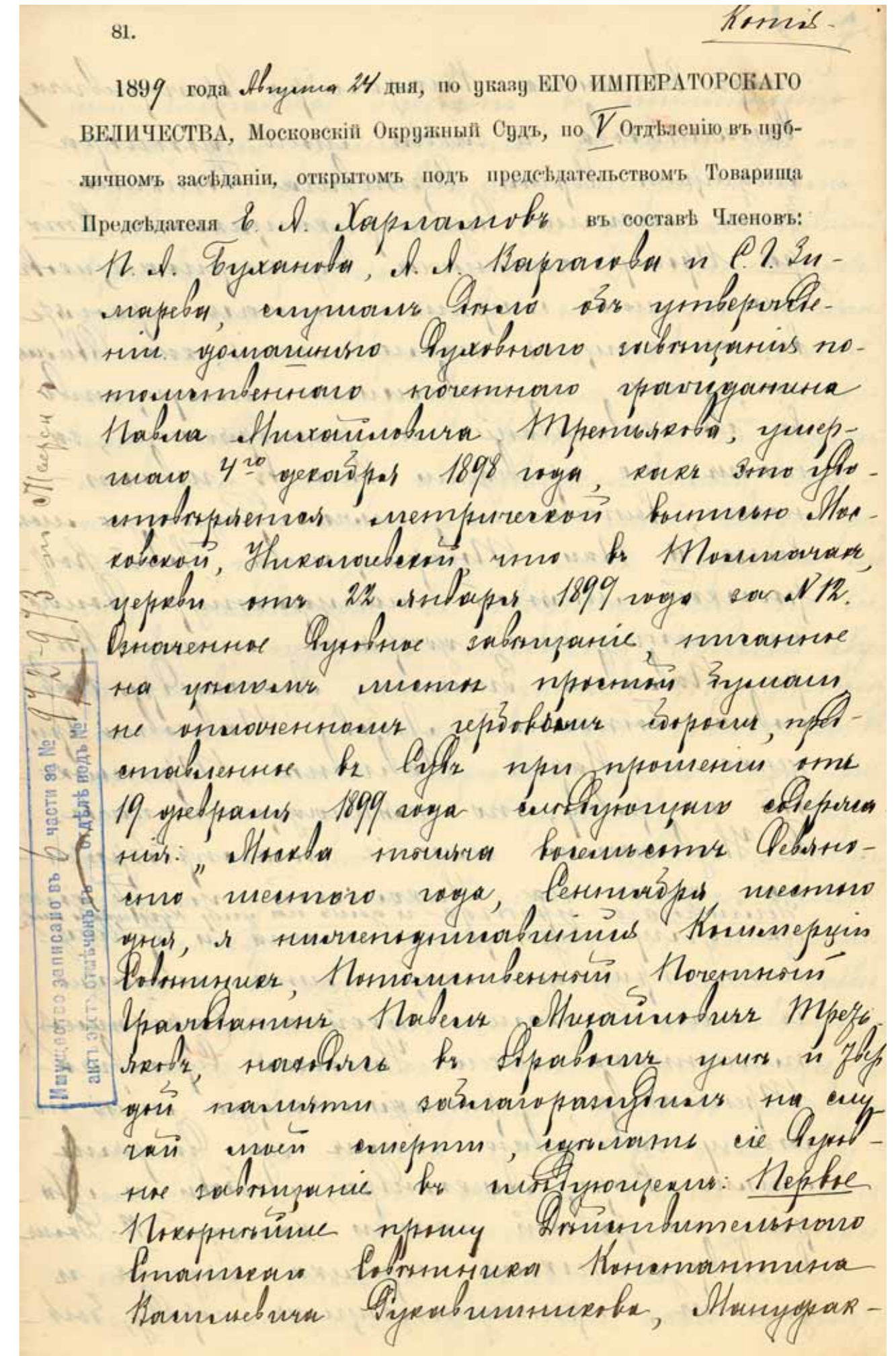
Despite such a postscript, the Tretyakov Gallery has continued to grow, continuing to be replenished with the best examples of Russian art. The Tretyakov house started reconstruction in 1900-01, which resulted in joining the original gallery building and the house under one roof with a single front designed by Viktor Vasnetsov. The hospice for widows and orphans of Russian artists was built to a project by the architect Nikolai Kurdyukov and opened in 1912. The Moscow Society of Merchants received 30,000 rubles to set up stipends for the pupils of city colleges, as well as some capital for arranging hospices.

Enhancing the initial sum with its interest, the Moscow Society of Merchants named a hospice after Pavel Tretyakov; it was built to a design by Sergei Soloviev²⁰ and opened in 1907. After Mikhail Pavlovich Tretyakov died in 1912, the sum of 200,000 rubles came under the control of the Moscow Duma that, according to Pavel Tretyakov's will, decided to spend the money on building an asylum for the subnormal. The construction of a two-storey building started in 1914, but the work was suspended in 1916²¹. The project was never to be completed.

What was the fate of those individuals whose initiative made the execution of Pavel Tretyakov's last will and testament possible? Konstantin Rukavishnikov, the life and soul of the whole campaign, died in 1915. In 1878 this remarkable man donated to the city of Moscow the asylum for juvenile delinquents that his brother Nikolai, who died young, had set up. The institution was known in Moscow as the Rukavishnikov asylum. Grand Duke Sergei Alexandrovich, an intellectual who, for a long time, presided over the Russian Historical Museum²², the Committee for setting up the Museum of Fine Arts²³, and the Imperial Orthodox Palestine Society, was assassinated by the terrorist Ivan Kalyaev of the Socialist Revolutionary Party in 1905. Dmitri Sergeevich Sipyaghin followed a tough punitive policy when he became the Minister of the Interior in 1900 and died at the hand of Stepan Balmashev from the Socialist Revolutionary Party in 1902. It proved a hard time of turmoil, revolutions and nationalization – but that is another story...

Постановление Московского окружного суда об утверждении завещания П.М.Третьякова. 24 августа 1899

The decree of the Moscow district court dated 24 August 1899 about validation of the last will of Pavel Tretyakov

¹⁴ Botkina A.P., op. cit. see note 3.

¹⁵ The Archives of the Tretyakov Gallery. For detail see the corresponding note in the Russian.

¹⁶ The Russian State Historic Archives. For details see the corresponding note in the Russian.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ The Central Historical Archive of Moscow. For details see the corresponding note in the Russian.

²⁰ Today the building of the former asylum is part of the Institute of Surgery named after A.V. Vishnevsky (27 Bolshaya Serpukhovskaya, Moscow).

²¹ Ulyanova G.N., Blagovoritelnost moskovskikh predprijimatelei. 1860 – 1914. [The Benevolence of Moscow Industrialists and Merchants. 1860-1914]. Moscow, 1999, p. 469.

²² Today, the State Historical Museum.

²³ Today, the Pushkin State Fine Arts Museum.